

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

САЛТОВСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ И СВЯТИЛИЩЕ У С. ЗАВЕТНОЕ

В 1936 г. на восточной окраине с. Заветное¹ разведочным отрядом Боспорской экспедиции ГАИМК был обнаружен необычный средневековый памятник, определенный Ю. Ю. Марти как «ранне-византийская крепость». К сожалению, большая часть материалов экспедиции была утрачена во время Второй мировой войны. Уцелели лишь карта-схема обследованного района, планы обнаруженных поселений и краткие аннотации к ним. В 1959 г. они были частично опубликованы В. Ф. Гайдукевичем в статье «Некрополи некоторых Боспорских городов» [Гайдукевич 1959, с. 213-214, рис. 81]. Несколько строк в ней уделено и рассматриваемому нами памятнику (поселение № 8 по В. Ф. Гайдукевичу), но несмотря на это, он не обратил на себя внимание исследователей и поэтому до сих пор не введен в научный оборот².

Укрепление располагалось на северном берегу балки Чикграл-Джилга, расчлененном на всем протяжении разветвленной системой оврагов, лощин и небольших сухих балок, по мере развития которых образовались многочисленные обособленные мысы. Один из таких, защищенных самой природой, обособленных участков берега, площадью около 0,07 га, и был использован под строительство укрепления. В плане он был приближен к трапеции, поверхность имела уклон к югу, при этом перепад высот достигал 2,5-3 м. С юго-востока этот своеобразный мыс был ограничен крутым склоном балки Чикграл-Джилга, высота

¹ с. Заветное (Ленинский район Автономной Республики Крым) расположено в юго-восточной части Керченского полуострова, южнее соленого Тобечикского озера.

² Материалы экспедиции Ю. Ю. Марти 1936 г., относящиеся к рассматриваемому памятнику, (пос. № 4 по Ю. Ю. Марти) представлены планом, выполненным в масштабе 1:200 (рис. 2), и кратким описанием, составленным на основании его визуального осмотра. Поскольку В. Ф. Гайдукевичем текст Ю. Ю. Марти был опубликован со значительными купюрами, позволим себе привести его полностью, сохранив стилистику автора: «К северу от деревни Коп-Такиль у глубокой балки (12 м) сохранилась средневековая ранневизантийская крепость, с 4-х сторон огражденная стеной. Часть камней неправильной формы, часть обтесана в форме параллелепипедов. Толщина стен 1,10-1,40 м. Общая площадь крепостцы 30x22 м. К юго-западному углу сделана пристройка. Стены пристройки такого же характера, но сохранность хуже. Внутри строения из-под земли выступают камни внутренних построек. Западнее центра лежат несколько очень больших камней, вытесанных в форме прямоугольников. К востоку за рвом попадает много следов жилья: мелкий камень - остатки построек, зола, мелкие черепки». Упомянутая в тексте деревня Коп-Такиль (с 1948 г. с. Коренково) впоследствии была объединена с с. Заветное (до 1948 г. дер. Яныш-Такиль).

которого на данном участке составляла 8-12 м. С северо-востока и юго-запада его отсекали две другие балки, шириной 4-5 м и глубиной до 2 м. Выявленные слегка подтесанных известняковых камней на суглинистом растворе. Кладка двухпанцирная, трехслойная. Общая протяженность стен 57 м, толщина варьировалась в пределах 1,10-1,40 м. Внутреннее, защищенное ими пространство составило около 530 кв. м. С северо-западной стороны, где отсутствовали естественные преграды, мыс частично был отсечен от остального массива рвом шириной до 2 м, длиной 18 м, соединявшимся с одной из балок. Им был защищен и входной проем, устроенный в северо-западной, наиболее уязвимой, стене укрепления. Северо-восточная стена укрепления возведена в виде ломаной линии, образуя при этом бастионообразный выступ размерами 12x4,3 м. Такой же «бастион», размерами 12x3,7 м, был пристроен к юго-западной стене. Внутренняя застройка укрепления сохранилась значительно хуже, поэтому ее плановую структуру проследить не удалось (рис. 2).

Относительно датировки памятника в свое время были высказаны различные точки зрения. Ю. Ю. Марти считал укрепление «...ранне-византийской крепостью»³, а В. Ф. Гайдукевич относил его к VIII-IX вв. Однако никто из них не привел каких-либо датирующих археологических материалов, поэтому окончательно разрешить этот вопрос можно было, только повторно обследовав памятник. Такая возможность представилась автору в 2001 г., когда укрепление было вновь обнаружено сотрудником КГИКЗ А. В. Куликовым. К сожалению, за прошедшие десятилетия оно претерпело значительные утраты. Территория мыса, на котором располагается памятник, ныне занята под огороды и ежегодно распахивается. Большая часть некогда видимых на поверхности стен оказалась разобранными, более-менее сохранился только западный угол укрепления. Тем не менее, благодаря глубокой распахке, удалось собрать многочисленный подъемный материал. За исключением нескольких фрагментов эллинистических амфор, он представлен раннесредневековой керамикой: причерноморскими амфорами с мелко-зональным и крупным бороздчатым рифлением (рис. 3,1-3) VIII-XI вв. и середины IX - середины X вв., фрагментом фляги восточнокрымского производства, выпуклая сторона которой украшена орнаментом, нанесенным красной краской в виде треугольников и гирлянд (рис. 3,4) VIII-IX вв.; ойнохойями баклинского типа (рис. 3,5) VII-IX вв.; салтово-маяцкими кухонными горшками, орнаментированными горизонтальным рифлением (рис. 3,6-9) VIII-X вв., и серолощенными сосудами, находящими аналогии на памятниках второй половины

³ К ранневизантийским памятникам Ю. Ю. Марти обычно относил разновременные археологические комплексы, поскольку основным критерием для их выделения, по его мнению, являлось отсутствие поливной керамики. Памятники салтовского облика исследователь также не выделял. В качестве исключения можно упомянуть только раскопанный им плитовый могильник у городища Тиритаки. Обнаруженный здесь инвентарь он справедливо соотнес с находками из Верхне-Салтовского могильника.

VII-середины X вв. (рис. 3,10,11). Таким образом, собранная керамика полностью подтвердила точку зрения В.Ф.Гайдукевича, что позволяет нам отнести укрепление к числу салтово-маяцких памятников⁴.

К северо-востоку, буквально сразу за рвом укрепленному материалу VIII-X вв. остатки крупного поселения, датирующегося по подъемному материалу VIII-X вв. На соседнем мысу располагался синхронный ему плитовый могильник⁵. Дальнейшими исследованиями было установлено, что салтовские памятники концентрировались не только вокруг укрепления. Следы поселений были обнаружены практически на всем протяжении северного берега балки Чикграл-Джилга⁶. Активному освоению этой территории благоприятствовали близость небольшой морской бухты и наличие удобных к ней подходов, изобилие пресной воды и плодородные земли, преимущественно южные черноземы. Наиболее крупное поселение располагалось в низовьях балки, напротив озера Яныш, между селами Заветное и Набережное (рис. 1). Оно же единственное, которое было нанесено на современные археологические карты [Баранов 1990, рис. 1,10; Айбабин 1999, рис. 78,78]. Топография этого памятника, размеры и характер расположения культурных остатков ничем не отличаются от других салтово-маяцких поселений Керченского полуострова. Он располагался на пологом, обращенном к балке, склоне поблизости от берега моря. Занимаемая им территория составляет примерно 400x200 м. Постройки, прослеживающиеся в виде скопления камней и керамики, находились на большом расстоянии друг от друга. В промежутках между ними культурный слой ярко выраженных признаков не имел [Гадло 1962, Д. 347; Куликов 1997, с. 160; Зинько, Пономарев 1998]⁷. В 70-80-е годы прошлого

⁴Справедливости ради следует отметить, что не только типологически близких, но и каких-либо других раннесредневековых фортификационных памятников на Керченском полуострове пока еще не выявлено. В настоящее время в степных районах Крыма салтовские укрепления известны только на полуострове Тарханкут. К их числу относятся укрепленные поселения, открытые в верхних слоях античных поселений «Чайка» и Беляус, а также Аблямитская крепость, выявленная в 2-х км к северо-востоку от пересыпи озера Донузлав [Баранов 1990, с. 65, рис. 1,101,102,110; Павленков 1987, с. 211-213; Павленков 2000, с. 47-48].

⁵Могилы представляли собой обычные для этого времени плитовые погребения - каменные ящики, сложенные из шести обработанных известняковых плит, ориентированные в направлении юго-запад - северо-восток.

⁶По плотности обнаруженных здесь салтовских поселений этот район может сравниться разве что с участком побережья Керченского пролива между Тобечикским и Чурбашским озерами у пос. Зальтиген, на котором в пределах узкой двухсотметровой полосы выявлено свыше 20 салтовских памятников [Зинько, Пономарев 2000, с. 186-200].

⁷Поселение выявлено в 1962 г. в ходе разведок археологической экспедиции Ленинградского университета (А.В.Гадло). На современных археологических картах обозначено как пос. у с. Заветное [Баранов 1990, рис. 1,10; Айбабин 1999, рис. 78,78; Гадло 1968, с. 59-60] или пос. Яныш-Такиль-1 [Зинько, Пономарев 1998, с. 4]. В настоящее время установлено, что поселение существовало не только в эпоху раннего средневековья, но и в конце XIII-XV вв. По мнению С.Г.Бочарова, на основе позднесредневековых поселений следует локализовать пункт Кавалари, указанный на средневековых компасных картах-портланах [Бочаров 2001, с. 157-158].

С восточной стороны к поселению, по всей видимости, примыкал могильник. Такую возможность не исключают остатки детского погребения в амфоре VIII-IX вв., выявленного в береговом срезе к северу от озера Яныш [Кубланов 1961, с. 93, поселение № 7].

столетия на территории поселения, в ходе охранных раскопок, был обнаружен уникальный комплекс, по совокупности признаков отнесенный нами к числу сакральных. Небольшие по объему работы на памятнике, частично разрушенные во время строительных работ, по всей видимости, были осуществлены сотрудниками Керченского историко-археологического музея. К сожалению, когда они проводились, а также имя исследователя пока установить не удалось. Отдельные и разрозненные материалы раскопок пока установить не удалось. В личном архиве ныне покойного сотрудника КИАМ Д.С.Кирилина. К сожалению, текстовая часть отчета сохранилась не полностью, хотя недостающую информацию в значительной мере восполняют многочисленные полевые чертежи и рисунки обнаруженного археологического материала. Взаимодополняя друг друга, они с определенной степенью достоверности позволяют определить примерное местонахождение комплекса, реконструировать его первоначальный облик и установить хронологические рамки существования.

Изначально святилище представляло собой овальную, вытянутую в направлении северо-запад - юго-восток, площадку размерами 3,4x2,6 м, углубленную в материковый суглинок на 0,10-0,15 м. Пол был тщательно сивелирован и впоследствии на отдельных участках обожжен на глубину до 0,06 м. В центре площадки зачищен очаг в виде линзовидной в разрезе ямы диаметром 0,42 м и глубиной до 0,10-0,12 м (рис. 4,5). Стенки и дно очага вследствие неоднократного использования прокалены. Сам же он, более чем на две трети внутреннего объема, заполнен цементированной золой с примесью мелких угольков и пачины. Здесь же был обнаружен немногочисленный, но достаточно выразительный археологический материал, отражающий заключительный этап первого периода функционирования святилища. В засыпи очага найдены фрагменты «причерноморской» амфоры с мелко-зональным рифлением на плечиках, днище коричневой глиняной амфоры с «перехватом» на тулове типа 103 по Зеест и несколько венчиков и стенок сосудов салтово-маяцкого типа.

«Причерноморские» амфоры, в том числе и рассматриваемого нами типа - с яйцевидным корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением, подтреугольным в сечении плоским венчиком и овальными ручками с продолльным ребром на внешней стороне (рис. 6,1-3) [Романчук, Сазанов, Сидорова 1995, с. 51, класс 24] еще не так давно большинство исследователей относили к VIII-IX вв. При этом, как совершенно справедливо в свое время отметил Д.Л.Талис, зачастую это делалось без всякой мотивировки, поскольку считалось: «...само собой разумеющимся, что северопричерноморские амфоры датируются этим временем» [Талис 1982, с. 58]. В последние годы единого мнения относительно нижней и верхней границ их бытования не существует [Науменко 1997, с. 332; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 76-77].

К наиболее ранним образцам, по всей видимости, следует относить амфоры, обнаруженные при раскопках раннесредневекового квартала в портовой части Сугдеи, в слое рубежа VII-VIII вв. - первой половины VIII вв., подстилаю-

шем салтово-маяцкий горизонт заполнения помещения Б дома 1994 г. [Баранов, Майко 1995, рис. 4.1; Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 40; Баранов, Майко 2000, с. 84, рис. 7]. Возможно, к этому же времени относятся аналогичные амфоры, происходящие из жилища, построенного в начале VIII в. на развалинах Тиритакской базилики VI-VII вв. [Гайдукевич 1952, с. 51; Гадло 1980, с. 144; Айбабин 1999, с. 190]. В составе керамических комплексов из засыпи колодца в портовом квартале I Херсонеса конца VIII-начала IX вв. и водохранилища в южной его части первой половины IX в. они присутствуют уже не только как массовый материал, но и представлены разными вариантами [Седикова 1995, с. 170-177; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 47-48]. Аналогичная картина прослеживается и на городищах Юго-Восточного Крыма - Сугдее и Тепсене, в исследованных комплексах которых они преобладают до середины IX в. [Баранов, Майко 2000, с. 85; Майко 2000, с. 102]. Наибольшее распространение «причерноморские» амфоры с мелко-зональным рифлением, по мнению исследователей, получают во второй половине IX-середины X вв. [Науменко 1997, с. 330; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 76]. Однако этот вывод, учитывая современное состояние опубликованных археологических источников, может быть правомерен не для всех регионов Таврики. В указанный период они чаще всего встречаются на сельских поселениях Юго-Западного Крыма и в городских слоях Херсонеса и Боспора [см. Науменко 1997, с. 330]. Отдельные комплексы, где рассматриваемые нами амфоры находились вместе с высокогорлыми кувшинами и следовательно могут датироваться второй половиной IX-серединой X вв., зафиксированы на раннесредневековых поселениях Северо-Западного Крыма [Кутайсов 1990, с. 27, рис. 5].

Что касается салтовских поселений Керченского полуострова, то в это время здесь преобладали «причерноморские» амфоры иного варианта - небольших размеров (37-48 см), с ручками, прикрепленными ниже валикообразного венчика, крупным бороздчатым рифлением и слабовыраженным «перехватом» в нижней части корпуса [Якобсон 1979, с. 32, вариант 2]. Именно их, наряду с салтовской кухонной посудой и высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой, чаще всего встречают в слоях, отложившихся незадолго до гибели поселений, на полях жилищ и в завалах, перекрывших разрушенные постройки [Шелов 1957, с. 100; Гайдукевич 1952, с. 49, 51; Зинько, Пономарев 2001, с. 154, рис. 4]. Немаловажным представляется и тот факт, что большинство из них сохранилось в виде археологически целых или полностью восстанавливаемых форм. Таким образом, археологический материал свидетельствует о том, что на салтовских поселениях Керченского полуострова примерно со второй половины IX в. «причерноморские» амфоры с мелким зональным рифлением выходят из массового употребления, их сменяют амфоры причерноморского типа, относящиеся к варианту 2 по А.Л. Якобсону, и высокогорлые кувшины с плоской ручкой.

Второй тип тарной керамики из засыпи очага святилища представлен коническим в сечении дном коричневоглиняной амфоры с «перехватом» на тулове [Зе-

ест 1960, табл. XL, тип 103] (рис. 6.4). Верхнюю границу их бытования обычно определяют в пределах VI в. [Якобсон 1979, с. 12; Scotrap 1977, с. 281] или VII в., но не позднее 650/670 гг. [Зеест 1960, с. 121; Кузманов 1985, с. 15, 16; Баранов 1990, с. 29; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 16-18]. Однако в рассматриваемом нами закрытом комплексе, который сформировался за очень короткий промежуток времени, амфора с «перехватом» была обнаружена с более поздним материалом. В связи с этим, принимая во внимание сакральный характер памятника, можно предположить, что попасть она могла туда только в том случае, если была использована «вторично», к примеру, как своеобразный ритуальный сосудик, или же эти амфоры бытовали более длительное время, нежели принято считать. Последнее предположение требует к себе особого внимания, поскольку за «омоложеное» коричневоглиняных амфор с «перехватом» исследователи высказывались неоднократно, хотя приводимые в пользу этого аргументы являлись не только малочисленными, но зачастую и спорными [Антонова и др. 1971, с. 83; Талис 1982, с. 57-58; Герцен, Науменко 2001, с. 140]. Тем не менее полностью отказываться от такой перспективы пока еще рано, хотя бы потому, что этот непростой вопрос требует глубокого и всестороннего анализа. Но в данном случае мы ограничимся лишь кратким перечислением некоторых археологических комплексов, где амфоры с «перехватом» были обнаружены с более поздним материалом⁸.

К числу наиболее представительных находок следует отнести шесть амфор, зачищенных на полу одного из хозяйственных помещений раннесредневековой усадьбы, раскопанной на окраине с. Малое Садовое [Омелькова 1985, с. 330-331; Баранов 1990, с. 29]. Вместе с ними в этой же кладовой находились амфора типа 2 по Баранову, датирующаяся второй половиной VII в. [Баранов 1990, с. 29] или VII-началом VIII вв. [Айбабин 1999, с. 192] и баклинские ойнохойи VII-IX вв. В соседнем помещении, относящемся к этому же строительному периоду, найдены два сосуда салтовского облика.

В портовой части Сугдее однотипные амфоры обнаружены в нижнем горизонте заполнения помещения Б дома-пятистенки, раскопанного в 1994 г. [Баранов, Майко 1995, рис. 4.13, 14; Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 40]. Помимо них здесь же были найдены «причерноморские» амфоры с мелким зональным рифлением, лепная посуда пеньковского облика и бронзовая византийская пряжка с крестообразным щитком. На этом основании слой был отнесен к рубежу VII-VIII - первой половине VIII в.

В Херсонесе, в заполнении колодца в портовом квартале I, засыпанном в конце VIII-начале IX вв., рассматриваемые амфоры выявлены наряду с «причерноморскими» [Антонова и др. 1971, с. 99, сноска 31]. Правда, в данном случае они могли попасть в колодец задолго до того, как он был окончательно засыпан⁹.

⁸ Необходимо отметить, что в тех случаях, когда амфора с «перехватом» выявлена в несвойственном для нее хронологическом контексте, всегда следует допускать возможность ее присутствия в более позднем комплексе как обычной «примеси снизу».

⁹ Практически аналогичный по составу амфорный комплекс происходит с места предполагаемой

На салтовских поселениях Керченского полуострова фрагменты этих амфор неоднократно встречались среди подъемного материала [Баранов 1990, с. 33; Пономарев 2000, с. 119], но только одна происходит из достоверного закрытого комплекса. Обломки «грубой удлиненной амфоры с перехватом» вместе с салтовскими рифлеными горшками и чернолощеной кружкой были выявлены А. В. Гадло в заполнении хозяйственной ямы № 4, стратиграфически связанной с нижним горизонтом (конец VII-начало VIII вв.) поселения у с. Пташкино [Гадло 1980, с. 135].

Не являются исключением и городские напластования Боспора. Здесь коричневоглиняные амфоры с «перехватом» отмечены не только в слоях последней четверти VI-третьей четверти VII вв. [Айбабин 1999, рис. 55,21], но и в слое пожара, датированного А. И. Айбабиным временем между 659-686/687 гг. [Айбабин 1999, с. 185, рис. 55,41,45] и слоях «хазарского времени» [Айбабин 1999, с. 185, 187, рис. 79, II, 1; Айбабин 2000, рис. 2, 1; 5, 21-26].

Помимо амфор в засыпи очага святилища обнаружено несколько фрагментов горшков салтовского облика. Некоторые из них имели массивный, сильно отогнутый валикообразный венчик (рис. 6,5,6). Другие сосуды завершались низким горлом-раструбом и слабовыраженным плоским венчиком (рис. 6,7).

К первому периоду функционирования святилища относится и материал из золистого слоя мощностью до 0,05 м, залегавшего на полу площадки вокруг очага. Керамические изделия, происходящие из слоя, немногочисленны и фрагментарны. Это «причерноморские» амфоры с мелким зональным рифлением (рис. 7,1), баклинские ойнохойи (рис. 7,2,3) и горшки салтовского облика, часть которых была орнаментирована зонами горизонтального и волнистого рифления (рис. 7,4-8). Особый интерес представляют находки двух кремневых отщепов и лошил прямоугольной формы с окатанными углами, изготовленных из песчаника (рис. 7,9-12). И те, и другие, по-видимому, в святилище оказались не случайно. Кремень у большинства древних народов выступал в качестве заместителя «священного огня», а лошила, как и любые другие каменные орудия, а также камни, отличающиеся необычной формой или окраской, могли служить амулетами [Богданова 1990, с. 54; Моця 1990, с. 129]. Магическими функциями, возможно, были наделены обломки посуды и сильно измельченные кости животных, которые согласно этнографическим данным в представлении многих народов должны были способствовать размножению, возрождению и плодородию [Русанова, Тимошук 1993, с. 74-80].

В первоначальном виде святилище существовало недолго. В ходе его реконструкции очаг, уже частично заполненный золой и пеплом, был засыпан мел-

кошарной печи у западного берега Карантинной бухты, недалеко от Херсонесского городища [Золотарев 1982, с. 145-148, рис. 2]. Однако, в данном случае как одновременный его рассматривать нельзя, поскольку в него были включены находки, собранные в процессе наблюдений за дноуглубительными работами. В связи с этим, часть из них, по крайней мере амфоры с «перехватом», могли оказаться в составе комплекса случайно.

ким бутом и суглинком, а золистый слой, отложившийся на ритуальной площадке, сnivelирован. Поверх этого уровня произвели еще одну нивелировочную подсыпку, в виде тонкой прослойки суглинка, смешанного с золой, толщиной 2-5 см. Ритуальную площадку с северо-западной, северной и северо-восточной стороны оградили невысокими стенками, за счет чего ее площадь сократилась. При их возведении прямоугольность планировки конструкции оказалась заметно нарушена. Северо-западная стена пристроена к северной под углом 75°, а северо-восточная под углом 107°. Северная стена, протяженностью 2,9 м, толщиной 0,20-0,30 м, и северо-восточная стена, протяженностью 1,7 м, толщиной 0,50-0,60 м, сооружены из суглинка. На отдельных участках, как правило по углам, в суглинке были вмонтированы необработанные известняковые камни. Но все же неопределимой прочности они обеспечить, конечно, не могли, однако со временем эту проблему удалось успешно устранить, после того как стены были прокалены. В отличие от других, северо-западная стена возведена из слегка подтесанных и необработанных известняковых камней на грязевом растворе. Ее протяженность 1,5 м, толщина 0,12-0,25 м, сохранилась на высоту трех рядов. Кладка двухпанцирная, двухслойная, постелистая, ряды более-менее выдержаны. На вопрос, с какой целью было ограждено святилище, однозначно ответить невозможно. Во-первых, нетрудно заметить, что ритуальная площадка с расположенными на ней кострищами и очагами, была защищена стенами именно с тех сторон, откуда в осенне-зимний период дуют затяжные ветра. В то же время нельзя забывать и о древнейшей традиции возведения вокруг сакральных мест символических оград, наделяемых мощной магической силой [Русанова 1998, с. 165].

На данном этапе функционирования святилища определенные изменения коснулись организации его внутреннего пространства. Раньше сакральным центром святилища, по-видимому, неизменно оставалась яма-очаг, в котором время от времени разжигали «священный огонь». После реконструкции таких центров стало несколько, или же они по какой-то причине меняли свое местоположение, о чем свидетельствуют многочисленные следы костровищ, зачищенные по всей поверхности ритуальной площадки. Правда, как и прежде, зола, пепел, кости животных и другие попавшие сюда предметы не сыпались полностью в зольник. Со временем ритуальная площадка оказалась полностью погребена золистым слоем мощностью до 0,26 м, при этом каких-либо попыток ее расчистить не предпринималось, а костровища устраивались на все более высоких уровнях. Подобная практика привела к тому, что на момент гибели святилища перекрывающий ритуальную площадку золистый слой составил единое целое с расположенным к югу от нее зольником. Обнаруженные здесь находки представлены, в основном, обломками керамики и костями животных, большая часть которых имеет следы пребывания в огне. В комплексе тарной керамики входят амфоры «причерноморского» типа варианта 2 по Якобсону [Якобсон 1979, с. 32], датирующиеся в последнее время первой половиной IX-серединой X вв. [Науменко 1997, с. 334; Майко 2000, с. 103; Седикова 1997, с. 13] (рис. 8,1,2), и высокогорлые кувшины с плоской ручкой второй половины IX-XI вв. (рис. 8,3). Наиболее многочисленны

салтовские кухонные горшки (рис. 8,4-7). Среди принадлежащих им фрагментов наиболее выразителен венчик крупного сосуда, украшенный пальцевыми защипами, благодаря чему ему была придана волнообразная форма (рис. 8,8). К числу редких для салтовских поселений Керченского полуострова керамических форм следует отнести миску, край которой украшен орнаментом, нанесенным при помощи штампа (рис. 8,9). Стекланные изделия представлены несколькими мелкими обломками плоских подставок рюмок, выдутых из оливково-зеленого стекла (рис. 8,12) [Веймарн, Айбабин 1993, с. 194-195, тип 2]. Учитывая сакральный характер открытого комплекса, наиболее интересной представляется находка лепного плоского кружка диаметром 3,8 см, на одну из сторон которого до обжига было нанесено несколько беспорядочно расположенных округлых вдавлений (рис. 8,10). До недавнего времени подобного рода изделия на салтовских памятниках Крыма не были известны, но за его пределами встречаются, хотя и крайне редко. Исключением является Левобережное Цимлянское городище, при раскопках которого было найдено 17 аналогичных кружков, украшенных солярной символикой - изображениями круга, креста и креста в круге [Плетнева 1994, с. 166-172]. Все саркельские кружки были обнаружены в пределах участка, занимаемого жилищами болгаро-хазарского (салтово-маяцкого) типа, и использовались, по мнению С.А.Плетневой, сравнительно недолго - с середины-второй половины X по первые десятилетия XI вв., но в основном в пределах X в. [Плетнева 1994, с. 170]. Условия находок нескольких из них - в проезде северо-западных ворот, среди кусков глиняной обмазки стены, в свое время позволили А.Л.Якобсону увидеть в них: «...своеобразные домовые амулеты, которые вмазывались в стены и служили оберегами, несущими в дом добро или охраняющими его от сглаза» [Плетнева 1994, с. 171]. Таким образом, исследователь предложил рассматривать их как одно из проявлений апотропеической магии. Это объяснение не вызвало принципиальных возражений со стороны С.А.Плетневой, которая атрибутировала кружки как охранные домашние амулеты. Но при этом исследовательница отметила, что указанная функция могла быть не единственной, поскольку объяснение А.Л.Якобсона: «...не подтверждается пока аналогичными обстоятельствами нахождения подобных предметов на других памятниках юго-восточной Европы» [Плетнева 1994, с.171]. В данном случае перспективным представляется мнение ряда исследователей, рассматривающих подобные керамические изделия, с орнаментом или без него, как ритуальные имитации хлеба [см. лит.: Плетнева 1994, с. 171; Винокур 1969, с. 55]. В таком случае нанесенная на них солярная символика вполне могла воплощать идею о благотворном влиянии Солнца на растительный мир [Чмыхов 1990, с. 205; Винокур 1969, с. 51]⁹. Иными словами, такие кружки, собственно как и само святилище, могли быть тесно связаны с аграрными культами или общетюркским культом

⁹ В 1994 г. на салтово-маяцком поселении Эльтиген Юго-Западное обнаружен зубчатый кружок, на одной из сторон которого, в отличие от других аналогичных изделий, были нанесены не солярные знаки, а косые насечки, символизировавшие, скорее всего, дождь («небесную воду»). Эта уникальная находка свидетельствует о том, что земледельцами-поболгарами почиталось

Солнца [Плетнева 2000, с. 190], которое к тому же обожествлялось многими земледельческими народами, как важнейший источник плодородия [Есаия 1968, с. 255; Даркевич 1960, с. 56; Хлопин 1962, с. 17]. Обильному урожаю и плодородию земли, по всей видимости, должны были способствовать жернов и серп, которые были найдены у одного из костровищ в верхних горизонтах святилища [Русанова 1998, с. 166] (рис. 9,1,2)¹⁰.

К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении археологический материал не позволяет пока считать данную атрибуцию святилища единственно верной и окончательной. В то же время, любая другая выдвинутая гипотеза также не может претендовать на свою исключительность, ввиду скудости археологических данных и отсутствия письменных источников, где содержались бы подробные сведения о языческих верованиях и обрядах народов Хазарского каганата.

Дискуссионными также остаются вопросы, связанные с датировкой и периодизацией комплекса. Более менее четко определяется лишь граница, разделяющая первый и второй период его функционирования, иными словами, время реконструкции святилища, которое, судя по отсутствию в нижних слоях высокогорных кувшинов и «причерноморских» амфор варианта 2 по Якобсону, можно отнести к середине IX в. Намного сложнее определить время строительства святилища, хотя, учитывая небольшую мощность нижних напластований и отсутствие в них лепной посуды, бытовавшей до середины VIII в., произошло это незадолго до его реконструкции. Гибель святилища, собственно как и других салтовских памятников Керченского полуострова, по-видимому, следует связывать с походом в Крым хазарского полководца Песаха, совершенным в 40-е гг. X в. [Майко 1999, с. 40-49; Айбабин 1999, с. 227].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
 Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващенко Л.П., Кидеев В.Н., Рыжанчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковская культура и проблемы за расселением на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. 1995. Т. IV.
 Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки средневековой Сугдей // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.

не только Солнце, но и другие «стихии природы», от которых зависел урожай (рис. 8,11).
¹⁰ Жернов изготовлен из известняка-ракушечника, диаметром 34,4 см. Серп фрагментирован, сохранилась только часть клинка. Имеет заостренное лезвие и острый конец. Относится к группе черешковых серпов, которые были широко распространены на салтовских поселениях Крыма [Баранов 1990, с. 71, рис. 24].

- Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII-первой половины IX вв. // Българите в Северното Причерноморие. 2000. Т. VII.
- Богданова Н.А. Роль огня в погребальном ритуале могильника первых веков нашей эры у с. Заветное // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 74.
- Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.
- Вейсмарк Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Винокур И.С. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен // СА. 1969. № 1.
- Гайдо А.В. Отчет о работе средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // Архив КГИКЗ. Д. 347.
- Гайдо А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII-X вв. // Вестник Ленинградского университета. 1968. Т. 14. Вып. 3.
- Гайдо А.В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
- Герцен А.Г., Науменко Е.В. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32.
- Даркович В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4.
- Есаян С.А. Амулеты, связанные с культом Солнца из Армении // СА. 1968. № 2.
- Зевст И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1998 году. Керчь, 1999.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I.
- Золотарев М.И. Херсонесский гончарный комплекс VIII-IX вв. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
- Кубланов М.М. Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Кузманов Г. Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV - начало VII вв.). София, 1985.
- Кузиков А.В. Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
- Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. Киев, 1990.
- Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. 1999. № 2.
- Майко В.В. Керамический комплекс VIII-X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. 2000. Т. VII.
- Моця А.П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангуна // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. I.
- Омельцова Л.А. Исследование поселения в долине р. Бельбек // АО 1983 года. М., 1985.
- Павленков В.И. Аблямитское городище на озере Донузлав в Крыму // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987.
- Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. Осень '99. IV Крымская международная научно-практическая конференция. Симферополь, 1999. Т. 2.
- Парашина О.О., Тесленко Б., Зеленко С.М. Гончарні центри Таврики VIII-X ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Плеттнева С.А. О домашних оберегах в Саркеле-Белой Веже // РА. 1994. № 1.

- Плеттнева С.А. Очерки хазарской археологии. Москва: Иерусалим, 2000.
- Пономарев Л.Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова // Боспорские чтения. Керчь, 2000.
- Ромашчук А.И., Сазонов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Русанова И.П., Тимоцюк Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Русанова И.П. Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
- Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. / Автореф. дис. ... кандидата историч. наук. М., 1997.
- Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1982.
- Хлопин И.Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах южной Туркмении // КСИА. 1962. № 91.
- Чмыхов Н.А. Истоки язычества Руси. Киев, 1990.
- Шелов Д.Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград, 1979.
- Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantine dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. 1977. T. XXI.

PONOMAREV L. YU.
SALTOVO FORTIFICATION AND SANCTUARY
NEAR THE VILLAGE OF ZAVETNOYE

Summary

A group of Saltovo-mayak monuments situated near the village of Zavetnoye in the South-Eastern part of the Kerch peninsula are examined in this article. Special attention is devoted to two archaeological complexes, which are unique for this region.

One of them is a small fortification. Yu. Yu. Marti discovered it as long ago as in 1936. The materials of his reconnaissance works, which were thought to be lost during World War II, have been discovered recently in the archive of Kerch State History and Culture Reserve. Thanks to them the planned structure of the monument was traced in general. In 2000, the fortification itself was discovered. The archaeological material found on its territory allows us to refer it to the Saltovo-mayak fortification monuments.

At the distance of 2.5 kms to the north-east from the fortification, in one of the Saltovo-mayak settlements, in the course of rescue excavations a sanctuary was researched. Stratigraphic observations allow us to assign the two periods of its existence: the 8th - the mid-9th century and the mid-9th - the mid-10th centuries. The author supposes that the sanctuary might be connected with agrarian cults or the cult of Sun widely spread among the Turkish peoples.

Рис. 1. Карта-схема юго-восточной оконечности Керченского полуострова (по материалам разведок Ю.Ю. Марти 1936 г. с добавлением автора).

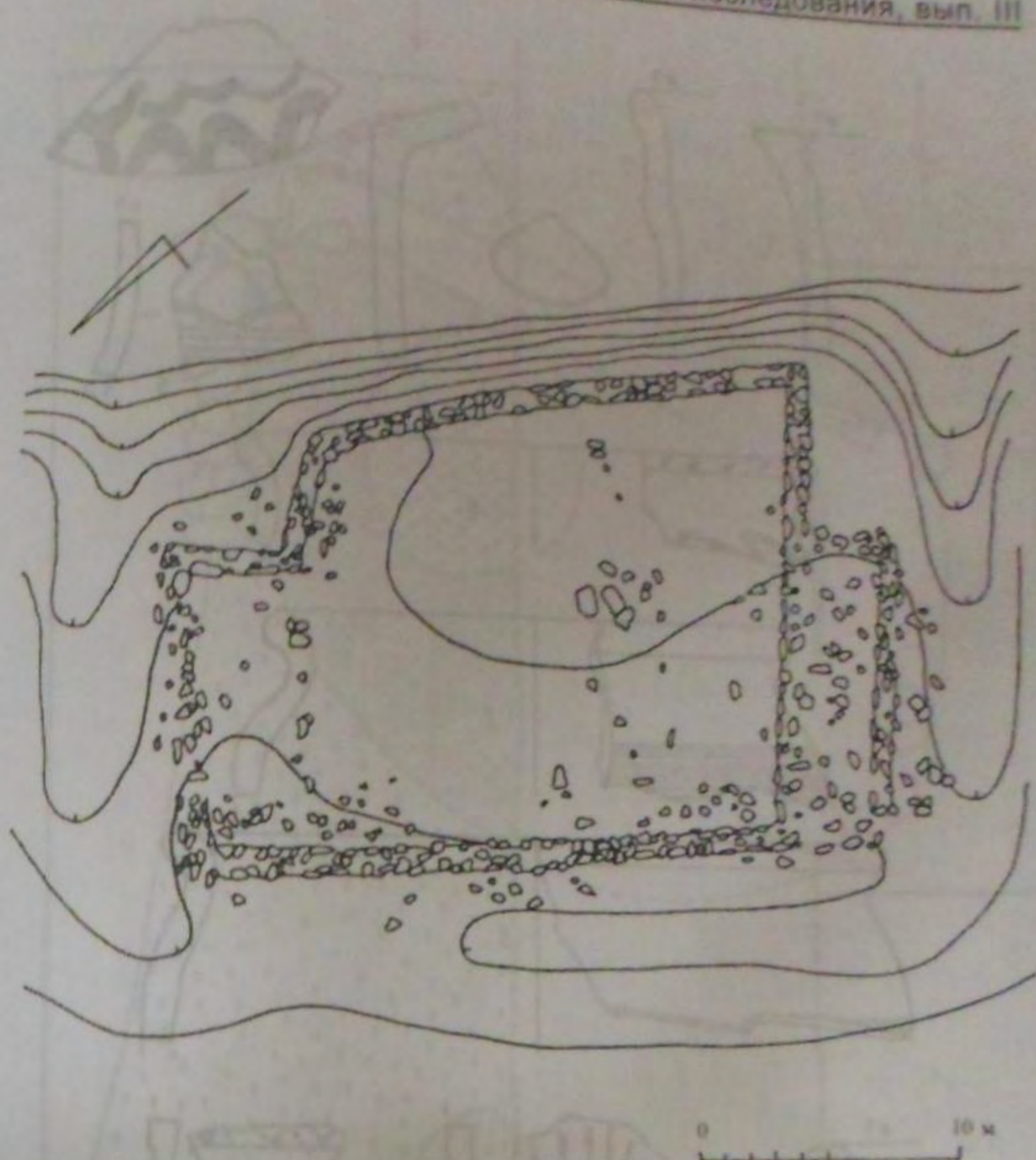

Рис. 2. План салтовского укрепления (по материалам разведок Ю.Ю. Марти 1936 г.).

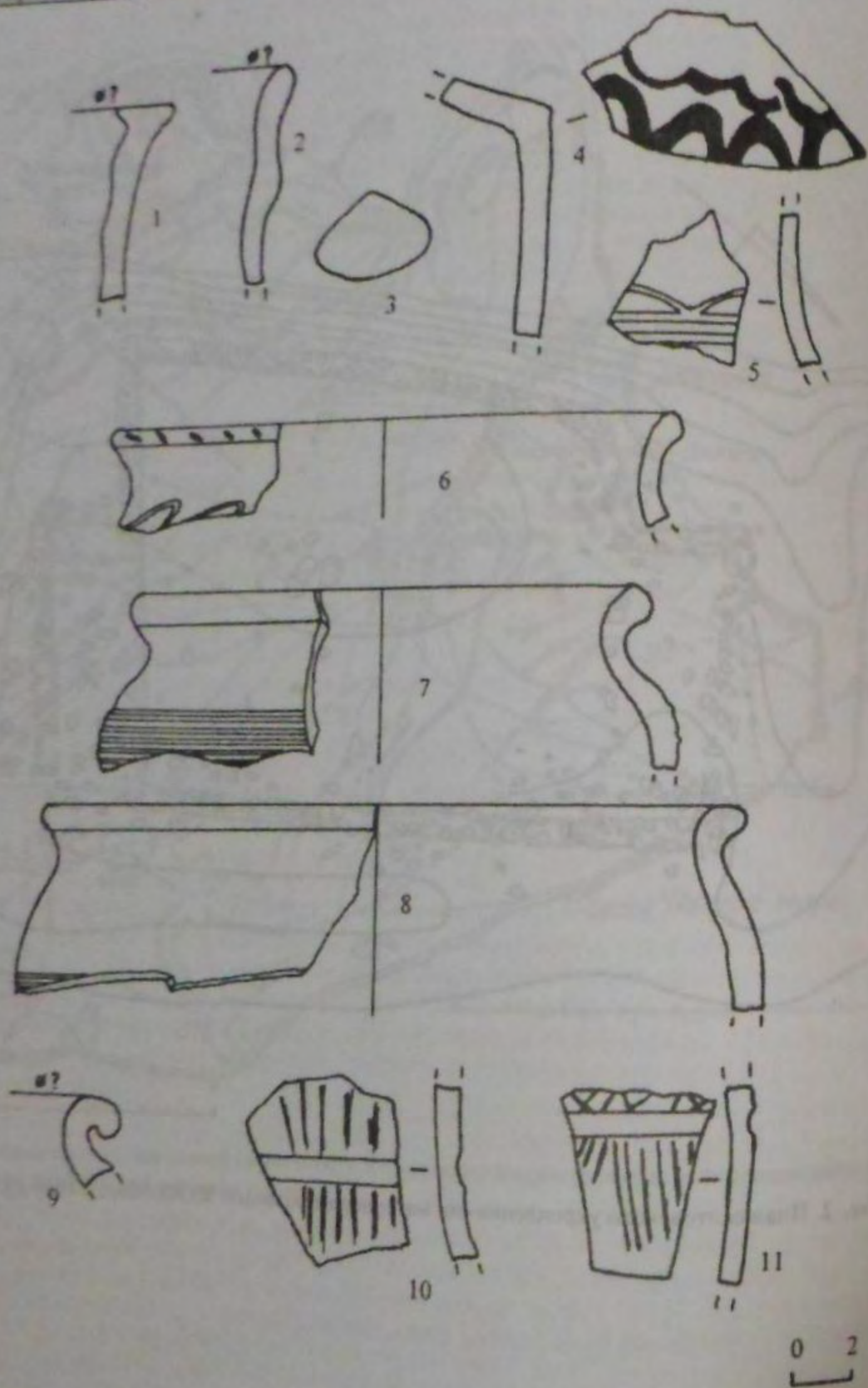

Рис. 3. Подъемный материал с территории укрепления.

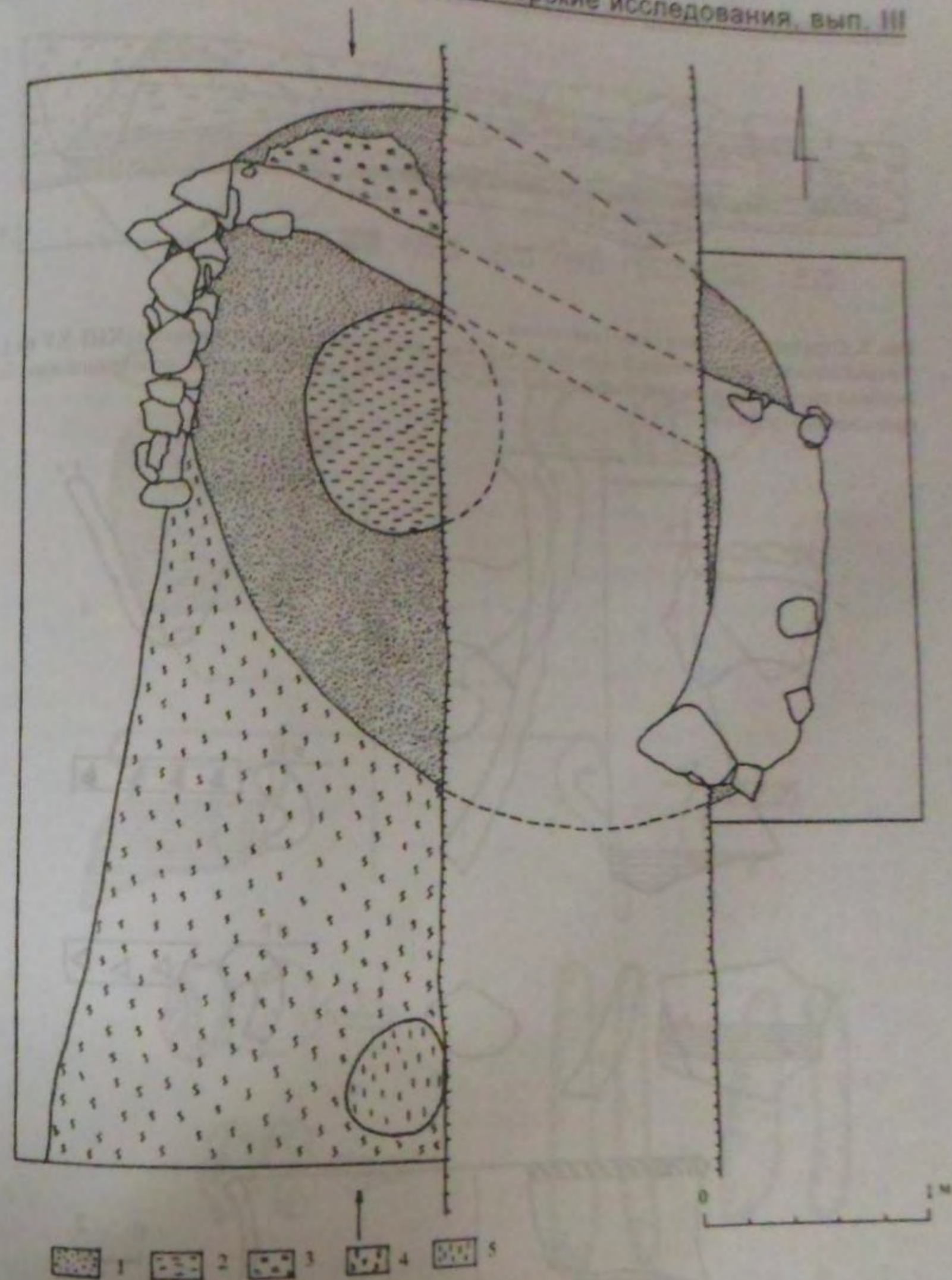

Рис. 4. План салтовского святилища у с. Заветное.
1- ритуальная площадка, 2-яма-очаг, 3-развал сырца, 4- зольник, 5-современная яма.

Рис. 5. Стратиграфический разрез святилища:
1-отвал современной траншеи, 2-гумусный слой, 3-темно-коричневый слой суглинка (XIII-XV вв.),
4-развал сырца, 5-заполнение современной ямы, 6-золистый слой с очагами и «кострищами», 7-
прокаленный суглинок.

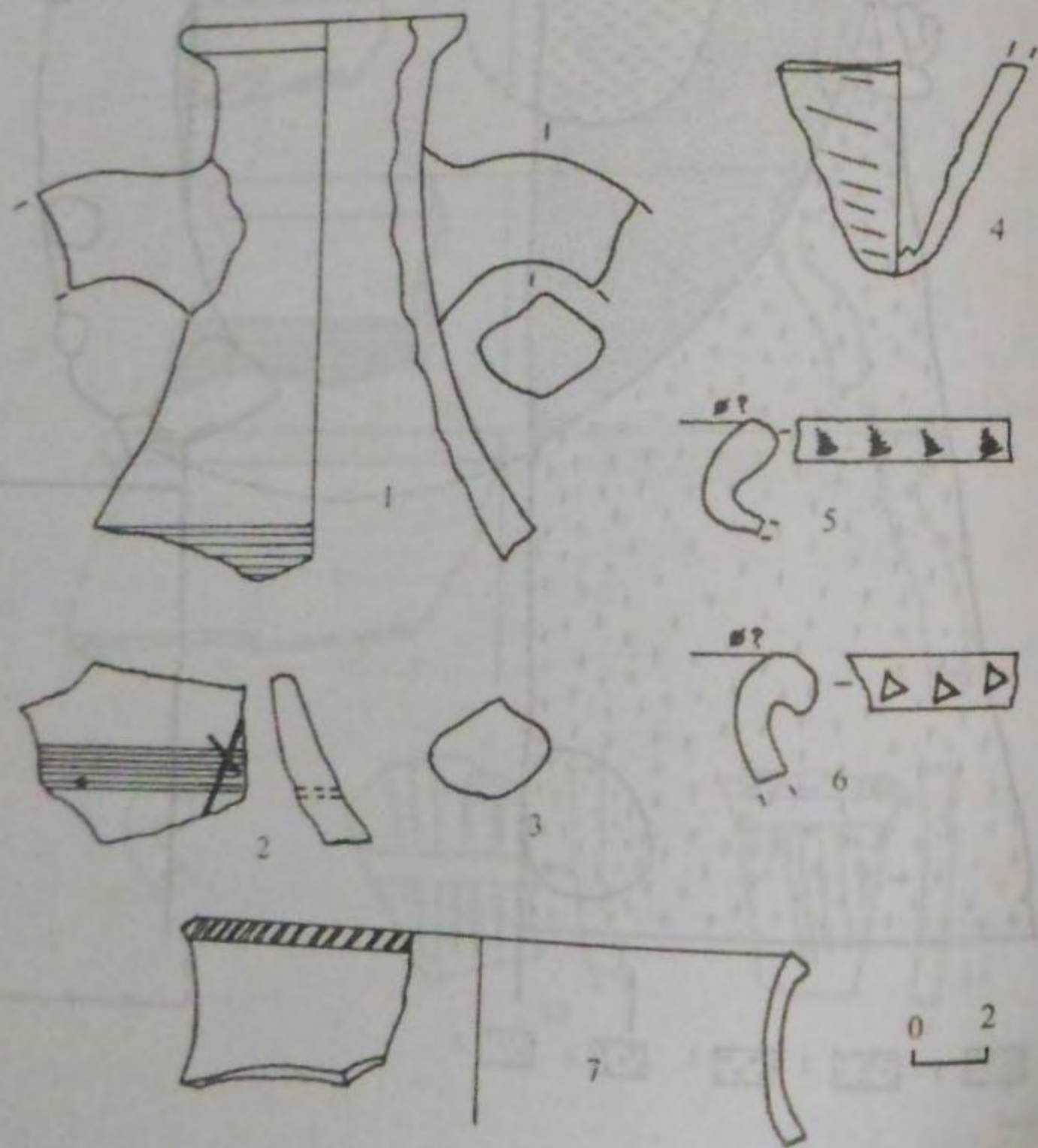

Рис. 6. Керамика из заполнения очага святилища.

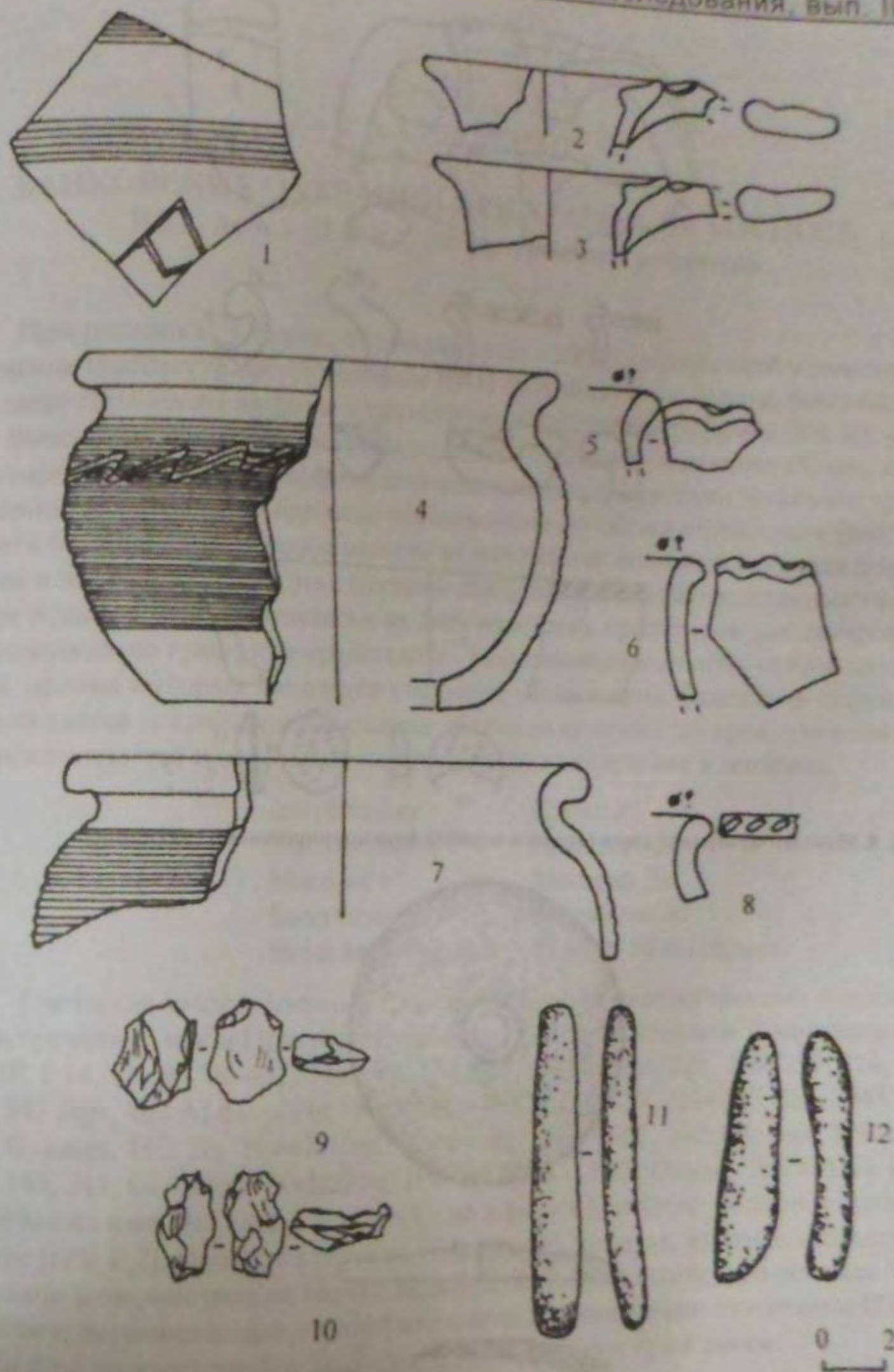

Рис. 7. Находки из нижнего слоя (первого периода функционирования) святилища.

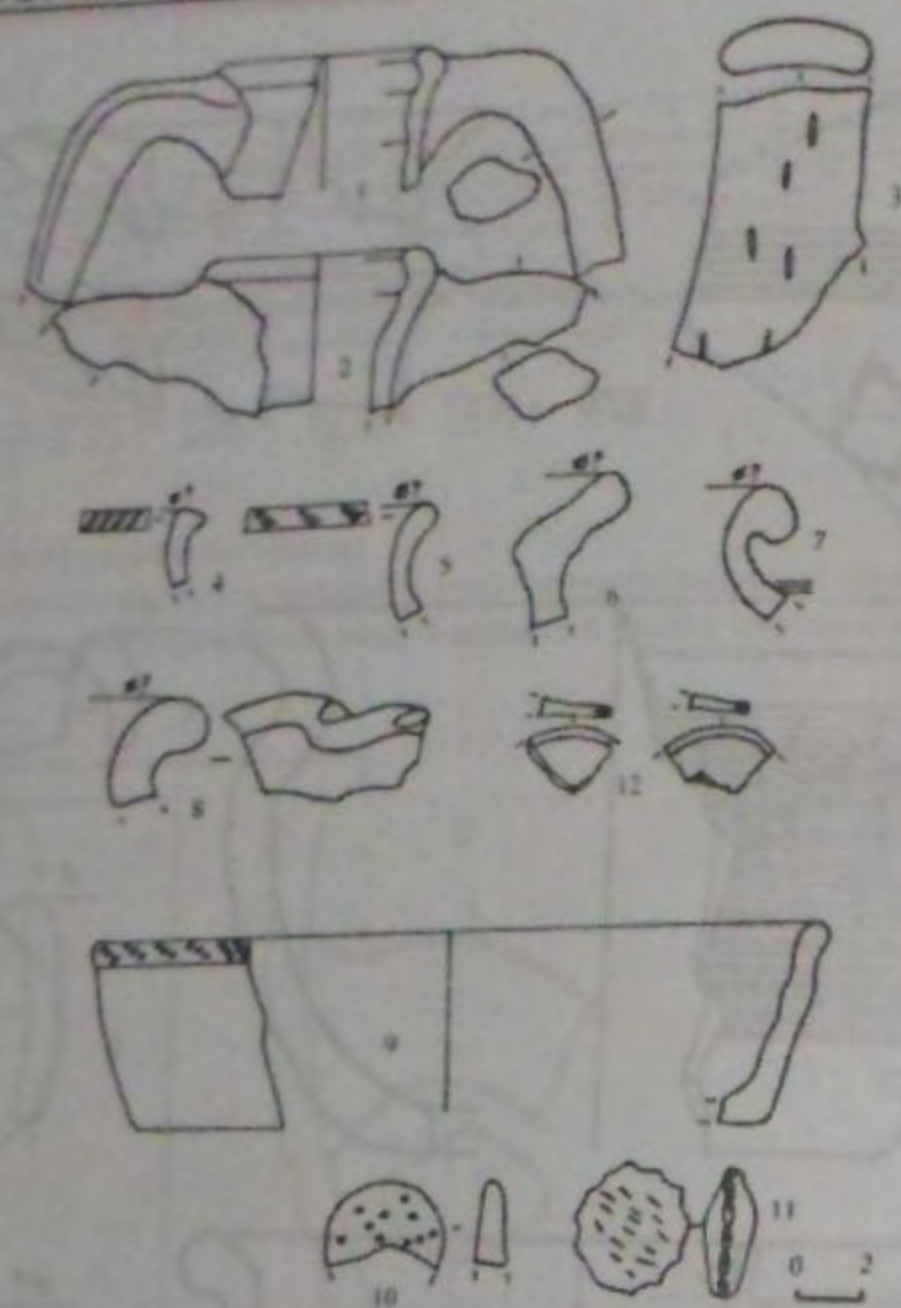

Рис. 8. Находки из верхних слоев (второго периода функционирования) святилища.

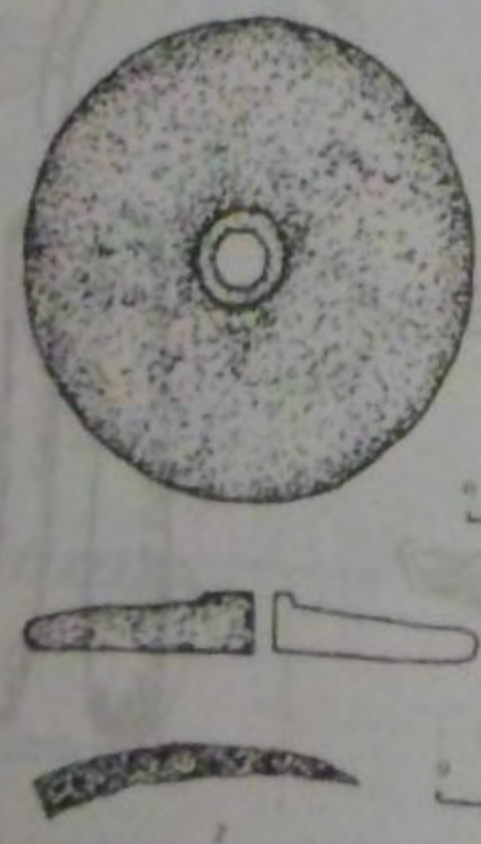

Рис. 9. Находки из верхних слоев святилища.

В. А. СИДОРЕНКО

**БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ ПРИ ХРАМАХ НА БОСПОРЕ
В I в. до н.э.-II в. н.э. (по материалам граффити)**

При раскопках в Керчи, проводившихся в 2002 г. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины по ул. Ленина, был найден фрагмент горловины амфоры с пятистрочной надписью-граффити (Кв. III, шт. 14)¹. Высота фрагмента 142 мм, максимальная ширина в основании 155 мм, диаметр горловины 95 мм. Граффити занимало участок поверхности 50x82 мм и представляло пятистрочную надпись, выполненную по обожженной глине (рис. 1). Высота букв 6-12 мм. К особенностям их начертания относятся лунарная форма сигмы и возвышающиеся над буквами продолжения правых наклонных гач в альфе и дельте, что практически не дает надежных ориентиров для датировки. По содержанию граффити представляет размещенный в столбик список из пяти имен, против которых находятся цифровые обозначения. Последняя цифра сопровождается сокращением названия денежной единицы денария, что позволяет заключить, что и остальные цифры выражали счисления в денариях.

Διογέν(ης) κε'	Диоген 25
Ἡρακλείδης κε'	Гераклейд 25
Μακάρις ν'	Макарий 50
Βασσταγῶνας ν'	Басстагон 50
Θεόφιλος δηνάρια ν'	Теофил 50 де(нариев)

Греческие имена Диоген, Гераклейд и Теофил распространены повсеместно, встречаются как в Присредиземноморье, так и в Северном Причерноморье [IGBR I 14, 16, 43, 46-48, 51bis, 99, 174, 106, 140, 206ter, 221, 229, 259, 324, 325, 333, 343 sept, 401 A; Διογένης Херсонес: IPE I² 354, 359, 361+363, 386, 394?, 716, 128; Ольвия: HO 26; Ἡρακλείδης Херсонес: IPE I² 460, 540; Ольвия: IPE I² 91, 100, 140, 211; Θεόφιλος Херсонес: IPE I² 436, 581, 582?; Ольвия IPE I² 151]. Реже встречается имя Μακάρις (Макарий), но в форме Μακάριος подобное известно в Тире [IPE I² 2]. Имя Βασσταγῶνας (Басстагон), кажется, впервые засвидетельствовано в ономастике не только Боспора, но и припонтийского региона. Судя по всему, перечисляемые в граффити имена принадлежали не жителям Пантикапея или других городов Боспора, а иногородним гражданам.

¹ Пользуюсь возможностью поблагодарить А.И. Айбабина и И.В. Ачкинази за любезно предоставленный для обработки и публикации материал.